

Костромин К., свящ.

**Преподобный Сергей Радонежский
и рождение московской литературной традиции**

Грамотность как умение читать и писать является одним из неотъемлемых элементов культуры. Культура письма и чтения лежит в основе государства как явления, без письменности немыслима христианская традиция, поскольку ее Бог – Слово. Слово как средство общения, устное или письменное, может быть элементом бытовой культуры, но первым, более высоким и сложным видом словесной культуры является искусство книжности. Грамотность реализуется через книжность, посредством нее обновляется и репродуцируется. Первоначальное обучение грамоте в Древней Руси происходило по Псалтыри, часовнику или другим богослужебным книгам, т. е. посредством высокой книжности. Тем более совершенствование приобретенных навыков невозможно без чтения произведений национальной литературы, причем актуально современных, поскольку без них немыслима преемственность национальной книжной традиции. Таким образом, развитие просвещения и обучения грамоте напрямую зависит от становления литературной традиции.

Периодизация этапов развития древнерусской литературы обыкновенно оперирует в качестве рубежных событиями, имевшими глубокие последствия на становление древнерусской государственности. Так, ключевыми вехами называют обыкновенно Крещение Руси, распад Киевского государства, татаро-монгольское нашествие и установление ига, Куликовскую битву, стояние на реке Угре и прочие подобные события. Разумеется, едва ли возможно отрицать значение Крещения Руси или стояния на Угре, однако едва ли сами эти события, хотя часто и служили поводом для всплеска литературного труда современников, отражали уже действовавшие причины коренных изменений традиции художественной культуры. Зато изменение стиля и характера литературной деятельности зависят от заказа со стороны конкретных лиц, которые своими сло-

вами или руками творят историю¹. В эпоху Куликовской битвы таким человеком был преп. Сергий Радонежский, определивший пути развития русского самосознания на несколько столетий вперед.

Обыкновенно имя преп. Сергия Радонежского практически не связывают с путями развития древней отечественной литературы хотя бы потому, что сам преподобный ничего не написал². Это утверждение, встречающееся довольно часто в литературе, в том числе научной, не вполне верно. Правильнее было бы сказать, что нет достоверных сведений о том, что перу святого не принадлежат известные нам произведения. Однако в ряде литературных памятников, посвященных Куликовской битве, приведена одна из версий передачи благословения преп. Сергием кн. Дмитрия Ивановича Донского, в которой фигурирует грамота, написанная игуменом: «тогда приспела грамота от преподобнаго игумена Сергия, от святого старца благословенная, в ней же написано благословение его таково, веля ему битися с татари: «Чтобы еси, господине, такы и пошел, а поможет ти Бог и Святая Троица» (Софийская первая летопись старшего извода³. Аналогичные свидетельства приведены в Новгородской четвертой летописи и Сказании о Мамаевом побоище⁴. Причем эпизод с грамотой, хотя и считается иногда вымыслом летописца⁵, более древний, чем рассказ о встрече игумена с князем, а потому он вполне может отражать реальный факт.

Самым значимым и едва ли не единственным, по мнению многих исследователей, ключевым событием эпохи конца татарского ига была Куликовская битва, которой придается исключительное значение. В связи с этими событиями часто вспоминают не только «Задонщину», но и первый общерусский летописный свод митр. Киприана, Повесть о Митяе, Жития святителя Алексия, святителя Петра и самого преподобного Сергия, а также ряд других произведений. Откладывая в сторону вопрос о значении самой Куликовской битвы в становлении государственности – по нему и без нас в последние годы идут ожесточенные споры – должны заметить, что само по себе впечатление, произведенное сражением на древнерусское сознание, должно было быть соответствующим образом подготовлено. Однако, следов этой подготовки в княжеской среде не наблюдается. Напротив, первое произведе-

¹ См.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947; *Гринин Л. Е.* Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. №2 (12) 2010; *Он же.* Личность в истории: современные подходы // История и современность. №1 (13) 2011.

² *Федотов Г. П.* Русская религиозность. Ч. II. Средние века. XIII-XV вв. / Собрание сочинений в 12 т. Т. 11. М., 2004. С. 182.

³ Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова и В. А. Кучкина. СПб., 1998. С. 34.

⁴ Памятники Куликовского цикла. С. 71, 175.

⁵ Памятники Куликовского цикла. С. 56.

дение о Куликовской битве (не считая составленной в Полоцке летописной статьи) – «Повесть о Мамаевом побоище» – формировалась именно в Троице-Сергиевом монастыре⁶.

Литература времени до преп. Сергия находилась в глубоком кризисе⁷. Сказывалось и татаро-монгольское нашествие, и кризис государственности, который в XII веке привел к крушению Киевской Руси и, соответственно, монументальному стилю в словесности. На смену роскошным панегирикам (Слово о законе и благодати, Сказание мниха Иакова), масштабным летописным сводам (Повесть временных лет), полноценным биографическим житиям (Несторовы Житие Феодосия и Сказание о Борисе и Глебе), оригинальным посланиям пастве (Лука Жидята, Феодосий), переводным произведениям пришли либо жанры частного характера (поучения Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского – последствия образованности XI века), либо эпические сочинения, долгое время существовавшие в устной традиции, как например «Слово о полку Игореве». Последние крупные по замыслу произведения – незаконченный Киево-Печерский патерик (по сути, отредактированный в конце XII века памятник начала XII века), Повесть о взятии Царьграда фрягами и Житие Александра Невского, эпическое, но «светское» и лаконичное. Жития теряют свою оригинальность по сравнению с XI веком. Объемы литературного наследия XIII века, уместившегося в один 5й том «Библиотеки литературы Древней Руси», часть из которых – выдержки из более поздних летописных сводов, говорят сами за себя⁸. К началу XIV века остались почти только

⁶ Азбелев С. Н. Куликовская битва в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011. С. 92-96, 123-134.

⁷ Попытка взглянуть на эту проблему иначе, применяя весьма своеобразным образом идею теоретического поступательного общественного прогресса к проблеме становления грамотности (Кириллин В. М. Состояние образования на Руси в дошкольный период (XI-XVII вв.) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. №2 (36). С. 22-33), представляется мне необидительной. Свидетельства эпохи важнее теоретических построений. Все примеры, приведенные В. М. Кириллиным, относятся ко второй половине XIV века и последующему времени, чем скорее подтверждают выводы, сделанные в моей статье, чем его утверждение: «Размышляя о состоянии русской образованности и школьного дела в средние века, многие исследователи отмечают их сравнительно высокий уровень в эпоху киевской Руси и последующую постепенную деградацию. Однако такой вывод явным образом противоречит бесспорному факту поступательного развития в течение XIV-XVI в. государственности (в частности, системы городов и структуры власти), Церкви (в частности, ее статусного положения, епархиальной и монастырской системы), всего общества (в частности, его социальной дифференциации, идейных умонастроений и культурных потребностей)» (С. 29-30).

⁸ БЛДР. Т. 5. XIII век. СПб., 2005.

эпические произведения⁹. М. Д. Приселков выделяет ряд «памятников великокняжеского летописания» второй половины XIII – первой половины XIV века, однако подобное абстрагирование едва ли оправдано. Решительно нет никаких летописных сводов, которые напрямую указывали бы на место и время их составления в этот период. Сам Приселков говорит о предположении, поскольку основой его построений является исключительно критическое прочтение Лаврентьевской летописи¹⁰.

Преп. Сергей родился в начале XIV в., когда литература испытывала кризис, неподалеку от Ростова, периферии, потерявшей былую мощь в середине XIII в.¹¹. Родителям пришлось переехать ближе к Москве (1328) вскоре после прихода к власти Калиты, когда спор о первенстве между Тверью и Москвой еще был далек от завершения. Ростов только что отошел к Москве, хотя местная феодальная элита продолжала руководить всеми делами от имени московской княжеской власти. Москва была еще чахлым и даже почти нищим княжеством, которое лишь некоторое время спустя начнет демонстрировать мощь посредством каменного строительства. Ни о какой литературной деятельности речи не шло ни в Ростове (после середины XIII века)¹², ни в Москве. Литература Москвы появится позднее, в Ростове не появится и вовсе (едва ли можно считать памятником ростовской литературы авторские произведения XV века, такие как послание ростовского архиепископа Вассиана Рыло на реку Угру и ему подобные, поскольку они затрагивают общерусскую проблематику и составлялись, скорее всего, в Москве), поскольку после преп. Сергия основными книжными центрами станут великокняжеский стол (а великие князья XV века будут практически все жить в Москве), Великий Нов-

⁹ БЛДР. Т. 6. XIV – середина XV веков. СПб., 2005.

¹⁰ Приселков М. Д. История русского летописания. СПб., 1996. С. 147-168.

¹¹ Ростов стал одним из крупнейших центров Руси в княжение Константина Всеволодовича, сына Всеволода Большое Гнездо. Последствия этого возвышения имели место еще долго – татары принимали здесь православие и в Ростове едва не состоялся новый книжный центр со своим летописанием, который все же просуществовал только до 1276 года (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. СПб., 2001. С. 505-506; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983. С. 207). Однако войны с братом Юрием Всеволодовичем, татарское нашествие (Ростов при нападении монголов не пострадал), неудачные наследники князя Константина, начавшие в XIV веке междоусобную борьбу, возвышение Твери, не вполне удачное географическое расположение, подавленное восстание против татар в 1262 году и сожжение татарско-московским войском Ростова в 1317 году (т.е. когда преп. Сергию было не больше трех лет) постепенно привели к глубокому кризису и попаданию Ростова в зависимость от возвышавшейся Москвы.

¹² Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М., 1989. С. 265-270.

город и монастыри. Нет никаких свидетельств о полноценном распространении грамотности в этот период где бы то ни было на Руси, кроме Новгорода, Пскова и ряда других городов, где найдены берестяные грамоты¹³.

Показательно, что сюжет с обучением грамоте отнесен к ростовским годам жизни отрока Варфоломея. Читая между строк, и помня о символизме, пронизывающем Житие, написанном Епифанием Премудрым, можно трактовать этот сюжет не как биографическую подробность неспособности к книжной премудрости (биографические детали не являются предметом интереса агиографа XV-XVI вв.¹⁴), но символическое указание на то, как трудно, только чудесно!, можно было преодолеть объективную трудность научения грамоте – нет было ни учителей, ни книг, ни материалов для письма¹⁵. Подобный пример вообще был нехарактерен для древнерусской агиографии предшествовавшего периода, став своеобразным «*ноу хау*». Так, в Житиях преп. Феодосия Печерского и преп. Авраамия Смоленского (редкий случай, когда о детстве подвижника вообще зашла речь, а тем более был поставлен вопрос о его обучении в детстве) говорилось, что они успешно постигали книжную премудрость¹⁶. По-видимому, шаблоном для Жития преп. Сергия служили различные источники, но не русского происхождения. Если для сюжета со старцем параллель отчасти может быть найдена в библейских текстах о призвании пророка на служение словом – прор. Исаии (Ис.6:6-10) и Иезекииля (Иез.2:1-3-14), то иногда для этой цели использовались и жития. Так, невкушением материнского молока по постным дням отличался, согласно Метафрастову житию, святитель Николай Чудотворец. Житие появилось на русской почве, по-видимому, еще в XI веке, но приобрело особую популярность в XV, т.е. в эпоху создания Жития преп. Сергия¹⁷.

¹³ Тверь попыталась занять лидирующее положение, составив в первой половине XIV века несколько летописных сводов Однако агрессивная политика московского князя Юрия Даниловича, уничтожившего своего конкурента тверского князя Михаила Ярославича, свела на «нет» эту инициативу. Единственным ярким результатом его правления стало составление «Повести о Михаиле Ярославиче Тверском».

¹⁴ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 78-79, 112.

¹⁵ Г.П.Федотов трактовал данный символизм несколько иначе. См.: *Федотов Г. П.* Русская религиозность. Ч. II. С. 181-182.

¹⁶ БЛДР. Т. 1. XI-XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 352-432; Т. 5. С. 32-35. – Даже св. Стефан Пермский, «собеседник» преп. Сергия, учил грамоту хоть и прилежно, но неизменно успешно (Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления / Под ред. Г. М. Прохорова. СПб., 1995. С. 56).

¹⁷ Жития Византийских святых / Пер. С. Поляковой. СПб., 1995. С. 292-293; СККДР. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 168-172.

Полноценная реконструкция механизма самообразования древнерусского инокa первой половины XIV века в условиях фактического отсутствия традиции образования в Московской Руси эпохи борьбы с Тверью едва ли возможна. Можно лишь констатировать:

а. в Московской Руси просвещение не было организовано (незначительные по интенсивности связи Москвы и Новгорода, также не давали стимула к повышению грамотности. Как следствие – после присоединения Новгорода к Москве грамотность в нем резко упала);

б. преп. Сергий первоначальную грамотность получил до приезда в московские пределы;

в. он и способствовал трансляции той образованности, которую он сам смог получить в детстве, в Московское княжество, в том числе и путем налаживания русско-югославянских связей;

г. он же был и поборником распространения грамотности среди иночества, поощряя книжные занятия среди братии, в результате чего монахи московского княжества впервые именно из его монастыря оказались читателями и писателями монастырских библиотек Сербии и Афона.

Наладившиеся связи с Афоном и через гору Афон с Сербией дали «второе югославянское влияние». Митрополиты Киприан и Григорий Цамблак, монахи Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет и другие (среди братии был иной преп. Сергий, возможно бывший греком) оказались трансляторами нового опыта балкано-византийской книжности на Руси. Ученик преп. Сергия Афанасий, прибывший по просьбе серпуховского князя Владимира Андреевича в основанный Сергием Серпуховский Высоцкий монастырь, был «в божественных писаниях зело разумен». Преп. Сергий был инициатором его книжных занятий – «добросписания многа руки его, и до ныне свидетельствуют и сего ради любим зело старцу»¹⁸. В 1382 году Афанасий оставил игуменство и ушел в Константинополь заниматься книжным делом¹⁹. Появление этих связей после перерыва – казалось бы, объективное следствие сложившейся ситуации. Подъем Второго Болгарского царства и Великосербской державы, попытки выхода Руси на международную арену, возвышение Москвы и перемещение туда митрополичьей кафедры, казалось бы, были теми предпосылками, которые помогли вызреть этому процессу. Однако не столь уж весомы эти объективные обстоятельства. Поднявшиеся балканские славянские государства не нуждались в Руси, и потому сам по себе факт этнического родства ничего не решает. Возвышение Москвы и вовсе являлось незначительным

¹⁸ Великие Минеи Четы, составленные митрополитом Московским и всея России Макарием. Сентябрь, 25-30 / Памятники славяно-русской письменности. СПб., 1883. Стб. 1440.

¹⁹ Клосс Б. М. Афанасий Высоцкий // ПЭ. Т. 4. М., 2002. С. 59-60.

фактором, имевшим не международное, а локальное значение. Попытки же Руси заявить о себе вне своих пределов – это дело будущего, эпохи Ивана III. Перемещение в Москву митрополичьей кафедры также ничего не изменило, кроме политической перегруппировки сил в самой Руси. Поэтому думается, что личностный фактор в таких случаях является принципиальным.

Во-первых, речь идет о возрождении (благодаря южному влиянию) агиографического жанра, но на совершенно новой основе – на основе шаблона (появление этих вообще-то новых шаблонов также будет связано с преп. Сергием), методом «плетения словес», монументально эстетическим стилем, в то время как в предшествующую эпоху возникла своеобразная «стилистическая пауза»²⁰. Это влияние, совпадающее по времени с расцветом исихазма в Византии, сначала на Афоне, а затем и в столице в лице патриархов-исихастов, проводилось на Руси как раз преп. Сергием, что позволило не только назвать его христианским мистиком, но и говорить о рецепции на Руси византийской политико-аскетической церковной волны второй половины XIV века, названной «политическим исихазмом»²¹.

Проводниками этого влияния через посредство Афона были именно монастыри, поэтому оно проявилось и в активизации строительства монастырских комплексов, живописном их убранстве, монашеской исихастской традиции молитвы и послушания, житийной литературе. Из монастырей монгольской эпохи Троице-Сергиев монастырь стал уникальным центром: образованный стихийно, но связанный с княжеским двором Москвы, социально и культурно активный, породивший богатую монашескую традицию, давший толчок к литературной деятельности, связанной с исихазмом. Часть монастырей его круга также приобретет значение крупных книжных центров, хотя до XV в. крупных книжных собраний в монастырях не было²². К монастырям, основанным учениками преп. Сергия, впоследствии ставшим крупными книжными центрами, и уже к концу XV века обладавшим значительными книжными собраниями, относились Ферапонтов, Кирилло-Белозерский и Спасо-Каменный монастыри. Связь друг с другом и прежде всего с Троице-Сергиевым монастырем, сохранение харак-

²⁰ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 87-91.

²¹ Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб., 2000. С. 25-28; Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990. С. 161-168.

²² Сапунов Б. В. Книга в России в XI-XIII вв. Л., 1978. С. 17-19. – Именно монастыри Сергиева круга сохранили и более раннее книжное наследие (Там же. С. 23-25). Хотя сам Сапунов априори считал монастыри Киевского периода книжными хранилищами, его выводы противоречат приведенным им же данным.

Сергий Радонежский и рождение московской литературной традиции

терных черт было свойственно им на протяжении XV и части XVI века²³. Чуть позднее к этому кругу присоединился также Иосифо-Волоколамский монастырь²⁴. Примечательно, что из монастырей, появившихся в эту эпоху, и не принадлежавших традиции преп. Сергия, значительное собрание книг было только разве что в Соловецком монастыре. Да и то, библиотека этого монастыря значительно пополнилась в игуменство свят. Филиппа (Колычева), принадлежавшего школе преп. Александра Свирского²⁵.

Именно благодаря деятельности преп. Сергия оказалось возможным именно в Москве в начале XV века создать первый общерусский летописный свод, причем еще тогда, когда идея объединения русских земель вокруг Москвы еще не стала ни центром политики Москвы, ни, тем более, идеей, витавшей в русском обществе в широком смысле слова²⁶. Особенно важны сведения из Жития Сергия о том, какое отношение к книжности было заведено в его монастыре после организации общежития. Чтение книги было поставлено в качестве аналога труду или молитве, поощряемое игуменом²⁷. Именно потому Н. Ф. Федоров видел в умозрении преп. Сергием Троицы основу для «общего дела» умиротворения, единства, социального служения и просвещения, из которого он выводил храмы, школы и музеи²⁸.

Без личного вклада преп. Сергия будущее московской книжности и грамотности не очевидно. Педагогический талант преп. Сергия заключался не только в том, что его деятельность послужила толчком к созданию московской литературной школы, но и в том, что он оставил большую группу учеников. Желание подражать учителю возникает только в случае, если учитель смог заразить их своей идеей. Преп. Сергий обладал этим редким для Древней Руси талантом в высочайшей степени. Его дело сильно продвинули святитель Стефан Пермский (ставший создателем литературного языка для коми (зырян) – не это ли в высшей степени подтверждение влияния преп. Сергия?)²⁹, его племянник – сын старшего брата Стефана Федор, впоследствии архи-

²³ Каган М. Д. История библиотеки Ферапонтова монастыря // КЦДР. XI-XVI вв. Разные аспекты исследования. Л., 1991. С. 99-100. См.: КЦДР. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008.

²⁴ Дмитриева Р. П. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // КЦДР. Иосифо-Волоколамский монастырь. Л., 1991. С. 3-15.

²⁵ См.: КЦДР. Соловецкий монастырь. СПб., 2001; КЦДР. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004; КЦДР. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010.

²⁶ Приселков М. Д. История русского летописания. С. 187.

²⁷ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Сергиев Посад, 1892. С. 25.

²⁸ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 182-183.

²⁹ См.: Попов Е. А. Святитель Стефан Великопермский. Пермь, 1885.

епископ Ростовский³⁰, собеседник преп. Кирилл Белозерский³¹, ученик преп. Афанасий, один из основателей Серпуховского Высоцкого монастыря, Епифаний Премудрый, преп. Исаакий (преп. Сергей хотел сделать его настоятелем Киржачского монастыря; в Троицком монастыре было несколько переписанных им книг; умер Исаакий около 1387 года³²), собеседник преп. Сергия архимандрит Дионисий, ставший архиепископом Суздальским, кандидатом в русские митрополиты, поддержанным преп. Сергием³³, и другие.

Е. Е. Голубинский отмечал, что в послемонгольскую эпоху до середины XV века на Руси было создано всего около семи или восьми житий. Из перечисленных им памятников больше половины создано в рамках традиции, заложенной преп. Сергием – речь идет о житиях, как минимум, свят. Стефана Пермского и самого преп. Сергия, написанных Епифанием Премудрым, митр. Петра, написанного митр. Киприаном, митр. Алексия, написанного Пахомием Сербом (Логофетом) в начале 1440-х годов³⁴. Двое из книжников, связанных с афонско-сербским влиянием, были насельниками Троице-Сергиева монастыря – Епифаний и Пахомий. Последний написал около одиннадцати житий, четыре из которых посвящены жизнеописанию преп. Сергия и его «собеседникам», несколько похвальных слов, четырнадцать служб и двадцать один канон – свыше трети также посвящены «троицким птенцам»³⁵.

Деятельность преподобного троицкого игумена всколыхнула русскую письменность. Конечно, его личных усилий без поддержки единомышленников было бы совершенно недостаточно. Более того, если бы общественные отношения не вызрели бы к этому времени, то усилия даже нескольких десятков людей могли бы пройти бесследно. Идея собирания Руси, нашедшая такое яркое выражение в Куликовском сражении, что называется, «витала в воздухе». Нужен был человек, который смог бы авторитетно озвучить эту мысль, причем теми словами, которые были на устах русских людей, который бы наполнил эту идею разнообразным смыслом, организовал бы всех на ее вопло-

³⁰ СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в). Часть 2. Л-Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. С. 448-450.

³¹ См.: Прохоров Г. М. Энциклопедия русского игумена. СПб., 2003.

³² БЛДР. Т. 6. С. 360-363; Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. С. 68-69. См.: Воронин Н. Н., Косточкин В. В. Троице-Сергиева Лавра. М., 1968.

³³ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. С. 62-63; Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 126-140; СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в). Часть 1. А-К / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. С. 187-191.

³⁴ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Период второй, московский. Т. 2. Вторая половина тома. М., 1911. С. 174-176.

³⁵ СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в). Часть 2. С. 168.

щение и оставил бы после себя соратников, готовых доводить дело до конца. Все это смог вместить преподобный Сергий Радонежский. И этим значением его личности полностью оправдан размах, с которым отпраздновали в уходящем году его 700-летний юбилей.

Источники и литература:

1. *Азбелев С. Н.* Куликовская битва в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
2. БЛДР. Т. 1. XI-XII века. СПб.: Наука, 1997.
3. БЛДР. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 2005.
4. БЛДР. Т. 6. XIV – середина XV веков. СПб.: Наука, 2005.
5. Великие Минеи Четьи, составленные митрополитом Московским и всея России Макарием. Сентябрь, 25-30 / Памятники славяно-русской письменности. СПб., 1883.
6. *Воронин Н. Н., Косточкин В. В.* Троице-Сергиева Лавра. М., 1968.
7. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Период второй, московский. Т. 2. Вторая половина тома. М., 1911.
8. *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Сергиев Посад, 1892.
9. *Гринин Л. Е.* Личность в истории: современные подходы // История и современность. №1 (13) 2011.
10. *Гринин Л. Е.* Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. №2 (12) 2010.
11. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. СПб.: Кристалл, 2001. С. 505-506.
12. Жития Византийских святых / Пер. С. Поляковой. СПб.: Corpus Terra Fantastica РоссКо, 1995.
13. *Кириллин В. М.* Состояние образования на Руси в дошкольный период (XI-XVII вв.) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. №2 (36). С. 22-33.
14. *Клосс Б. М.* Афанасий Высоцкий // ПЭ. Т. 4. М., 2002. С. 59-60.
15. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1989.
16. КЦДР. Иосифо-Волоколамский монастырь. Л., 1991.
17. КЦДР. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008.
18. КЦДР. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004.
19. КЦДР. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010.
20. КЦДР. Соловецкий монастырь. СПб., 2001.
21. КЦДР. XI-XVI вв. Разные аспекты исследования. Л., 1991.
22. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973.
23. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л.: АН СССР, 1947.

24. *Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris: YMKA-PRESS, 1990.
25. *Муравьева Л. Л.* Летописание северо-восточной Руси конца XIII – начала XV века. М.: Наука, 1983.
26. Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова и В. А. Кучкина. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр Блиц, 1998.
27. *Попов Е. А.* Святитель Стефан Великопермский. Пермь, 1885.
28. *Приселков М. Д.* История русского летописания. СПб., 1996.
29. *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб.: Алетейя, 2000.
30. *Прохоров Г. М.* Энциклопедия русского игумена. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003.
31. *Сапунов Б. В.* Книга в России в XI-XIII вв. Л.: Наука, 1978.
32. Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления / Под ред. Г. М. Прохорова. СПб.: Глаголь, 1995.
33. СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в). Часть 2. Л-Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1989.
34. СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в). Часть 1. А-К / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988.
35. СККДР. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987.
36. *Федоров Н. Ф.* Сочинения. М.: Мысль, 1982. (Серия: Философское наследие. Т. 85).
37. *Федотов Г. П.* Русская религиозность. Ч. II. Средние века. XIII-XV вв. / Собрание сочинений в 12 т. Т. 11. М.: Мартис, SAM&SAM, 2004.
38. *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М.: Прогресс, 1989.